

ЖУРНАЛ
НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

№ 3 (15)

Проблемы
экономической теории

Исследование
российской экономики

Вопросы
экономической политики

Горячая тема

Научная жизнь

2012

Москва

Содержание

Проблемы экономической теории

- 10** **Е.В. Балацкий**
Технологическая диффузия
и инвестиционные решения
- 35** **В.В. Попов**
Почему Запад разбогател раньше,
чем другие страны, и почему
Китай сегодня догоняет Запад?
Новый ответ на старый вопрос

Исследование российской экономики

- 66** **А.Н. Визгунов**
Б.И. Гольденгорин
В.А. Замараев
В.А. Калягин
А.П. Колданов
П.А. Колданов
П.М. Пардалос
Применение рыночных графов
к анализу фондового рынка
России
- 82** **А.А. Бальсевич**
С.Г. Пивоварова
Е.А. Подколзина
Роль прозрачности информации
в государственных закупках:
пример российских регионов

Вопросы экономической политики

- 114** **П.В. Крючкова**
С.Б. Авдашева
Государственный и частный
инфорсмент законодательства
при риске ошибок I рода: выбор
для России
- 141** **А.К. Соловьев**
Пенсионные системы
в контексте страховых
принципов

Горячая тема

Круглый стол:
«К реформе пенсионной системы»
1 марта 2012 г., Москва

- 168** **Е.Ш. Гонтмахер**
О развилках пенсионной
реформы
- 171** **В.Н. Бобков**
От прожиточного минимума –
к социально приемлемому
потребительскому бюджету
пенсионера
- 173** **Л.С. Ржаницына**
У исследователя особая позиция

Contents

Problems of Economic Theory

- 34 Ye.V. Balatsky**
Technological Diffusion
and Investment Decision
- 64 V.V. Popov**
Why the West got Rich Before
Other Countries and Why China is
Catching Up With the West Today?
New Answer to the Old Question

Studies of the Russian Economy

- 81 A.N. Vizgunov**
V.A. Kalyagin
A.P. Koldanov
P.A. Koldanov
B.I. Goldengorin
V.A. Zamaraev
P.M. Pardalos
Applying market graphs
for Russian stock market analysis
- 112 A. Balsevich**
S. Pivovarova
E. Podkolzina
The Role of Information
Transparency in Public
Procurement: the Example of
Russian Regions

Issues of Economic Policy

- 140 P.V. Kryuchkova**
S.B. Avdasheva
Public and Private Enforcement of
Law under the High Risk of Type I
Errors: the Russian Case
- 166 A.K. Solovyev**
Pension Systems in the Context
of Insurance Principles

Hot Topic

Round table:
“On Pension System Reform”
March, 1-st, Moscow

- 168 E.Sh. Gontmakher**
Crossroads of Pension Reform
- 171 V.N. Bobkov**
From Living Wage to Socially
Acceptable Pensioner’s Consumer
Budget
- 173 L.S. Rzhantsyna**
A Researcher’s Specific Approach
- 176 T.Yu. Kulikova**
Pay-as-you-go Pension System
is Optimal for Russia

В.В. Попов

ВШМБ РАНХ и ГС при президенте РФ, Москва

Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос¹

В статье делается попытка по-новому интерпретировать историю увеличения разрыва в уровнях развития Запада и Юга в 1500–1950 гг. и сокращения этого разрыва с середины XX в. После обсуждения двух господствующих в литературе объяснений и их недостатков предлагается новая схема. Западные страны преодолели мальтузианскую ловушку роста путем разрушения традиционных институтов (общины), что повлекло за собой рост неравенства, бедности и смертности, но также и рост доли сбережений и инвестиций в ВВП (за счет сокращения потребления) и ускорение экономического роста. Когда эта западная модель была распространена на развивающиеся страны (через колониальный нажим «сверху» или добровольное подражание «снизу» – Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Российская империя), она также привела не только к повышению нормы накопления, но и к росту неравенства и снижению качества институтов, что ухудшило стартовые позиции для экономического роста. Другие районы развивающегося мира, менее подверженные колониальному влиянию и лучше сохранившие традиционные институты (Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Южная Азия), имели низкую норму накопления и пребывали в мальтузианской ловушке до XX в., однако сумели избежать роста неравенства и ослабления государственных институтов. Постепенное и очень медленное повышение ВВП на душу населения в результате технического прогресса в XVI–XIX вв. **позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки** – повышение нормы накопления без роста неравенства, бедности, смертности и подрыва институтов.

Ключевые слова: *экономическая история, темпы экономического роста, разрыв в уровнях экономического развития между странами, Запад, развивающиеся страны, Китай.*

Классификация JEL: N00, O10, O40.

Формулировка проблемы

В XVI в., 500 лет назад, все страны, как известно, находились на примерно одинаковом уровне развития, если измерять этот уровень размером ВВП на душу населения, подушевым потреблением, продолжительностью жизни, уровнем грамотности (Мельянцева, 1996; Maddison, 2008). Больше того, в Средние века иногда, например в период Танской династии (VII–X вв. н.э.), Китай даже несколько опережал Запад по уровню технологии и потребления (примерно на 20–30%). Эта переменчивость исторических судеб известна в литературе под названием «загадки Нидема», по имени Джозефа Нидема (Joseph Needham) – английского ученого, автора многотомного исследования на эту тему.

С XVI в., однако, начинается ускоренное развитие Запада. В 1900 г. отношение ВВП на душу населения в развитых странах и раз-

¹ Более подробная версия статьи на английском языке (Popov, 2009a, 2009b). Автор признателен В.М. Полтеровичу и анонимному рецензенту за высказанные замечания.

вивающихся выросло до 6 : 1 (рис. 1), а доля Китая и Индии в мировом валовом продукте, составлявшая до середины XIX в. 40–50%, к 1950 г. снизилась до 9% (рис. 2).

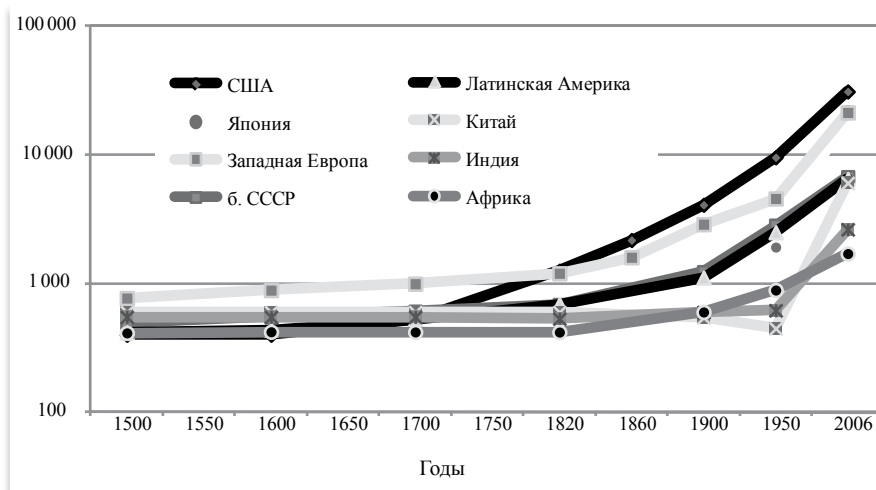

Рис. 1

ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности (в международных долларах 1990 г. Джиджи-Хамиса)

Источник: Maddison, 2008.

Рис. 2

Доля отдельных стран и регионов в мировом валовом продукте (по паритету покупательной способности) в 1500–2006 гг.

Источник: Maddison, 2008.

С начала XIX в. некоторые страны периферии (Япония, страны Латинской Америки, Российская империя) тоже вступают в полосу быстрого развития (рост производительности на 0,1–1% в год, как на Западе, против 0,01% в год ранее), но им удается только приостано-

вить рост разрыва с Западом, но не преодолеть его. Первой страной периферии, сумевшей существенно сократить разрыв с Западом, был Советский Союз – в 1930–1960-е годы подушевой ВВП вырос с 20% до почти 40% от американского уровня (рис. 3). Однако в 1970–1980-е годы разрыв уже не сокращался, советская модель импортозамещения перестала работать. С переходом к рынку и демократии и развалом СССР произошло значительное падение производства, которое только в этом году (2012 г.) восстанавливается до предкризисного уровня.

С середины XX в. другая, восточноазиатская модель экспортоориентированного догоняющего развития позволила ряду стран догнать Запад и фактически превратиться из развивающихся в развитые. Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг – все эти страны впервые вошли в клуб богатых стран после того, как этот клуб образовался (в начале XIX в. ВВП на душу населения в западных странах уже вдвое превышал подушевой ВВП в развивающихся). По пути этих стран идут теперь и Юго-Восточная Азия (АСЕАН), и Китай, а в последние два-три десятилетия – и Индия (рис. 4). В 1950 г. на развитые страны приходилось более половины мирового ВВП, в 2006 г. эта доля снизилась до 40% в основном за счет роста доли Китая и Индии и несмотря на снижение доли бывшего СССР. Продолжение этих тенденций будет означать подтягивание развивающихся стран к западному уровню и сокращение доли Запада в мировом ВВП до 20%.

Следует отметить, что все оценки ВВП на душу населения базируются на достаточно примитивных данных о доходах и ценах в разные исторические периоды и в разных странах. Даже сегодня

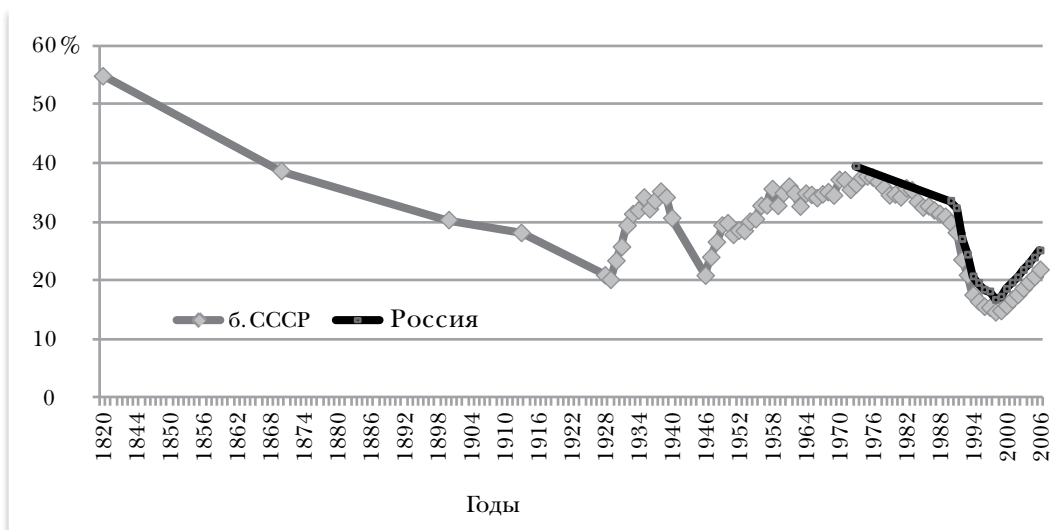

Рис. 3

ВВП на душу населения в СССР и России, % к уровню США

Источник: Maddison, 2008.

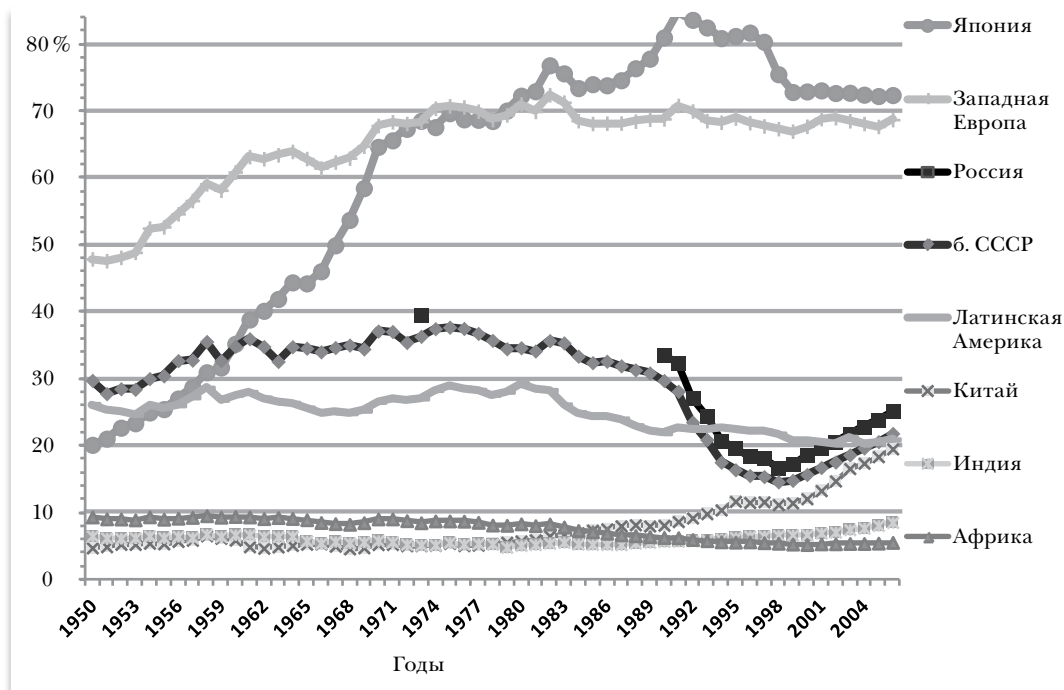

Рис. 4

ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности), % к уровню США

Источник: Maddison, 2008.

паритета покупательной способности валют, которые рассчитываются в рамках программы международных сопоставлений, пересматриваются так, что подушевой ВВП изменяется не на 20–30%, а порой более чем в 2 раза². Применительно к более давним периодам точность, естественно, еще больше снижается.

Но все же общая картина, видимо, такова:

- 1) расхождения в подушевом ВВП на протяжении нескольких тысяч лет до 1500 г. между разными странами и историческими периодами были незначительными – 20–30% между континентами и максимум в два раза – между странами³;

² В 1996 г. ВВП на душу населения в Китае составлял 79% российского уровня (3330 и 4190 долл. соответственно) по ППС 1993 г. (World Bank, 1998). А по ППС 2005 г. этот же подушевой ВВП в 1996 г. составил всего 30% российского (1667 и 5529 долл. соответственно). Результаты сопоставлений по 2005 г. считаются самыми полными – они основаны на наблюдениях за ценами во многих городах Китая. Некоторые китайские специалисты, однако, высказывают мнение, что региональные отделения статистической службы Китая для сравнения намеренно брали самые дорогие товары (чтобы занижить ППС юаня и чтобы Китай таким образом оказался бы «бедной развивающейся страной»). Кроме того, нынешние низкие оценки китайского подушевого ВВП не согласуются с высокими темпами роста – интраполируя подушевой ВВП назад, на 1950-е годы, получается, что половина населения Китая должна была бы жить за порогом прожиточного минимума. Сегодняшние оценки подушевого дохода в Китае у А. Мэддисона вдвое выше, чем у Всемирного банка. Подробнее об этом см. в (Карамурзов, Фридман, 2011а; 2011б; Maddison, 2005). А. Субраманиан (Subramanian, 2011), ранее работавший в исследовательском отделе МВФ, считает, что МВФ занизил китайский ВВП на 40%, так что Китай, видимо, обогнал США по этому показателю еще в 2010 г.

³ Я пытался подсчитать, хоть и очень приблизительно, сколько зерна и растительного масла мог купить мелкий лавочник в Китае в III в. н.э. (по роману «Троецарствие», где подробно описаны не только доходы разных социальных групп, но и размеры взяток должностным лицам) и римский легионер, командир центурии, размещенной в форте Саалбург на юге Германии, недалеко от Франкфурта (там сейчас музей), во II в. н.э. В пересчете на граммы золота получается порядка 500 долл. В год в ценах 1995 г. Ценовые пропорции между золотом, оливковым маслом и пшеницей с тех пор изменились мало, хотя серебро сильно подешевело и относительно золота, и относительно других товаров.

- 2) с 1500 г. Запад стал расти быстрее Юга, и до 1950 г. этот разрыв между Западом и Югом в подушевом ВВП постоянно увеличивался, достигнув почти до 10 : 1;
- 3) с 1950 г. многие развивающиеся страны – страны Восточной Азии, затем и Индия – стали расти быстрее Запада, так что, хотя другие развивающиеся страны и не испытали ускоренного роста, общий разрыв в подушевых доходах между Западом и Югом впервые за почти 500 лет стал сокращаться. Представляется, что с таким описанием стилизованных фактов согласится большинство статистиков и экономистов. Как объяснить эти тенденции?

Обзор литературы – выход из мальтузианской ловушки

Существуют две основные школы мысли – назовем их условно западная и ориенталистская – в объяснении экономического вызвышения Запада (характеристика обоих подходов дается в (Bryant, 2006)). Первая подчеркивает закономерный характер процесса, вторая, напротив, делает акцент на стечении обстоятельств, исторической случайности. Первая, более традиционная трактовка (Landes, 1998; Мокуг, 2002 – видимо, самые известные современные работы) состоит в том, что отдельные социальные новации или же вся их совокупность незадолго до и сразу после XVI в. привели к ускорению развития Запада. Среди этих социальных новаций – отмена крепостничества и личная свобода, разрушение соседской общины и огораживание, образование свободных городов, протестантская этика, Magna Carta, университеты, свобода дискуссий и беспрепятственный обмен идеями и т.д. «Традиционная мудрость, принимаемая многими специалистами по экономической истории, в частности, такими известными, как Дуглас Норт, состоит в указании на набор связанных друг с другом правовых, экономических и социальных институтов, которые, как считается, необходимы для устойчивого экономического роста или по крайней мере способствуют ему, – писал об этом нобелевский лауреат Роберт Солоу. – Самые важные из них – верховенство закона, гарантии прав собственности, относительно свободные рынки и известная степень социальной мобильности. Они уменьшают неопределенность вокруг сбережений, инвестиций и предпринимательской активности и повышают для способных людей стимулы заниматься экономической деятельностью, а не грабежами и молитвами. Промышленная революция произошла именно тогда, когда произошла, так как эти условия оказались выполненными, как никогда раньше; и именно в Англии эти условия были созданы раньше, чем в других странах, и в наиболее полной степени» (Solow, 2007).

Сторонники второго подхода ((Diamond, 1997; Pomeranz, 2000; Wong, 1997) – опять-таки лишь некоторые современные авторы) счи-

тают, что особых отличий между уровнем развития Запада и Востока до XVIII в. не было. Даже в XVIII в., считает К. Померанц (Pomerantz, 2000), Китай не уступал Европе в том, что касается технологий, уровня потребления, развития институтов, которые могли поддерживать технологические новшества (корпорации, финансовые учреждения, способные мобилизовать большие объемы капитала). То, что в Англии произошло ускорение роста, а в Китае нет, объясняется, по его мнению, стечением довольно случайных обстоятельств – наличием в Англии месторождений железной руды и угля в непосредственной близости друг от друга и большим оттоком населения из Европы после «открытия» Америки.

Как известно, Чжен Хэ (1371–1435), величайший китайский путешественник, почти за век до Колумба плывал на огромных судах (более 120 м длиной против 30 м у Колумба) к Африканскому Рогу, на Мадагаскар, в Индонезию. Дело шло к тому, что Америку «откроет» Китай, а не Европа, но императоры Минской династии запретили строительство больших судов после путешествий Чжен Хэ – довольно случайное, а отнюдь не закономерное решение, положившее начало самоизоляции Срединной империи на протяжении последующих четырех веков. В Европе же, согласно К. Померанцу, эмиграция позволила смягчить давление растущего населения на ограниченные земельные ресурсы и избежать снижения производительности. Согласно же многим другим авторам, удорожание рабочей силы из-за эмиграции в Америку заставило предпринимателей внедрять трудосберегающие технологии, что дало толчок техническому прогрессу.

Дж. Даймонд (Diamond, 1997) придает решающее значение таким, казалось бы, незначительным факторам, как отсутствие легко одомашниваемых животных в Африке, доколумбовой Америке и Австралии и изобилие таких животных в Евразии, географическая протяженность Евразии с запада на восток, что облегчало распространение передовых сельскохозяйственных технологий из-за схожести климатических условий, – в отличие от Америки, вытянутой с севера на юг, пересекающей все мыслимые климатические зоны, где возделываются самые разные культуры – от бананов до овса⁴.

Ускорение экономического роста на Западе с XVI в. часто обсуждается в терминах преодоления мальтузианской ловушки роста. Эта ловушка, или мальтузианский режим роста, состоит в том, что на низком уровне развития сбережения настолько незначительны, что их хватает только на то, чтобы сделать инвестиции в возмещение выбытия основного капитала и создание рабочих мест для новых рабочих, которые вливаются в рабочую силу в результате роста населения. Тонкость здесь состоит в том, что сами темпы роста населения зависят от ВВП на душу населения или производительности труда: если сбережения увеличиваются и ВВП возрастает, то повышается и рож-

⁴ Есть и другие объяснения (Turchin, 2005; Clark, 2007; Wen, 2008; Findlay, Rourke, 2009), которые не укладываются полностью в предлагаемую схему двух школ – западной и ориенталистской (см. подробнее (Роров, 2009а, 2009б)).

даемость⁵, что заставляет тратить сбережения на создание новых рабочих мест для растущего населения, так что на увеличение капитала на одного занятого (капиталовооруженности), которое и определяет динамику производительности труда, сбережений уже не остается. Получается, что экономический успех наций проявляется в росте численности населения, а не производительности и подушевых доходов, так как рост производительности, если и происходит, тут же «съедается» ростом населения.

В рамках модели Солоу производительность труда, y , увеличивается благодаря росту капиталовооруженности, k ($k = K/L$), и техническому прогрессу, A :

$$y = A k^a.$$

Фактические сбережения полагаются равными постоянной части дохода и фактическим инвестициям, так что в расчете на одного занятого они составляют I_a :

$$I_a = s y = s A k^a,$$

где s – доля сбережений в доходе, а y – доход на одного занятого.

Инвестиции, требуемые для поддержания постоянной капиталовооруженности, K/L , должны возместить амортизацию основного капитала (d – доля ежегодно выбывающего основного капитала) и создать рабочие места для растущего населения. Если население растет темпом n , то требуемые инвестиции для поддержания постоянной капиталовооруженности в расчете на одного занятого составят

$$I_n = k(n + d).$$

Тогда устойчивое равновесие образуется в точке E , где пересекаются прямая, характеризующая инвестиционные потребности [$I_n = k(n + d)$], и кривая, характеризующая фактические инвестиции ($I_a = s y = s A k^a$), – рис. 5а.

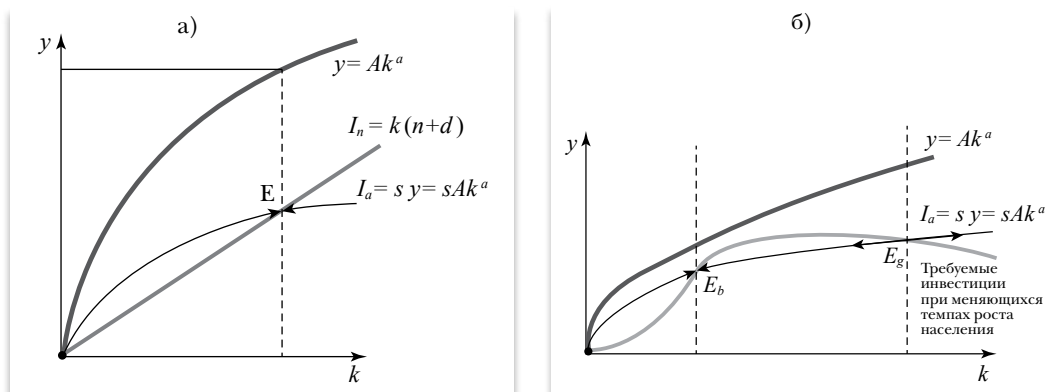

Рис. 5

Устойчивое равновесие в модели Солоу : а) постоянными темпами роста населения; б) темпами роста населения, зависящими от дохода

⁵ В первой публикации книги Мальтус предполагал, что снижение дохода ведет к увеличению смертности, но в последующих изданиях он уже подчеркивал связь между доходом и рождаемостью. Недавние исследования динамики народонаселения, похоже, подтверждают, что падение реальных доходов ведет именно к снижению рождаемости из-за повышения возраста вступления в брак (см. подробнее (Saito, 1996), который ссылается на (Wringley, Schofield, 1981)).

Если же предположить, что темпы роста населения не постоянны, а зависят от подушевого дохода так, как показано на рис. 5б (сначала увеличиваются – по мере роста дохода, а потом снижаются), то образуются два равновесия – одно (E_b) «плохое» (на низком уровне капиталовооруженности и дохода) и устойчивое, а другое (E_g) «хорошее» (на высоком уровне капиталовооруженности и дохода) и неустойчивое. Чтобы выйти из «плохого» равновесия (бедности – мальтузианской ловушки роста) и попасть в «хорошее» равновесие – богатую жизнь, необходимо скачкообразное увеличение нормы сбережений («большой толчок»), достаточное для увеличения капитала на одного занятого до должного уровня.

Собственно говоря, описание мальтузианской ловушки не оспаривается большинством экономистов. Одна из самых устойчивых зависимостей в массиве статистических данных об экономическом росте – отрицательная связь между темпами роста ВВП на душу населения и темпами роста самого населения (рис. 6).

Но вот ответа на вопрос, почему Англия и северо-западная Европа не смогли вырваться из этой ловушки до XVI в. и почему другие страны вырвались гораздо позже, а некоторые не вырвались до сих пор, строго говоря, нет. В этом, по сути, и состоит недостаток традиционных объяснений. «Каким образом получилось так, что огромные различия в обычаях, общественном устройстве, институтах, языках, географии, земледелии и во многом другом не привели к различиям в темпах экономического роста... – спрашивает Дж. Голдстоун. – ...И почему этот (*мальтузианский*. – В.П.) режим роста неожиданно подошел к концу или был трансформирован, так что темпы роста, бывшие стабильными на протяжении как минимум десяти тысяч лет, неожиданно повысились на два порядка за 100 лет» (Goldstone, 2007).

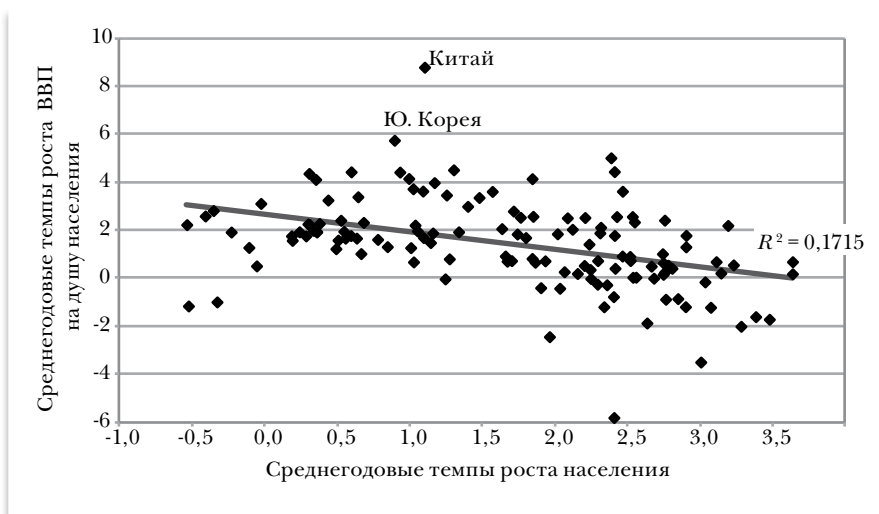

Рис. 6

Среднегодовые темпы роста населения и ВВП на душу населения в 1980–2007 гг., %

Источник: WDI.

В самом деле, если отказ от традиционных общинных институтов дает ускорение экономического роста, почему этого не случилось ранее в Древней Греции, Риме, Византии, Китае, Индии? Почему в Древней Греции и Риме с высоким уровнем гарантий прав личности и предпринимательства, со свободными дискуссиями и обменом идеями не произошла своя промышленная революция? И почему после перехода Запада в режим быстрого экономического роста другие страны не смогли совершить такой же прорыв? Больше того, если успехи в догоняющем развитии и были, то как раз в странах (СССР до 1970-х годов, Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, а теперь – и страны Юго-Восточной Азии и Китай), которые совсем не укладываются в схему либерального свободного предпринимательства и демократии.

Новые данные о качестве институтов в XIX–XX вв. (база данных POLITY) привлекли в последние годы внимание не только экономических историков, но и макроэкономистов и тех, кто занимается исследованием экономического роста. Толчком послужила статья «Колониальное прошлое – как причина различий в сравнительном развитии» (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001), в которой авторы пытаются решить проблему «курица – яйцо» применительно к взаимной зависимости между институтами и экономическим ростом с помощью инструментальной переменной – уровня смертности среди европейских поселенцев (колонизаторов). Если уровень смертности поселенцев был высоким, как в Гамбии, Мали и Нигерии, то колонизаторы не были заинтересованы в налаживании хороших институтов в этих странах. Напротив, если уровень смертности был низким (Австралия, Багамские Острова, Канада, Гонконг, Новая Зеландия, США), то колонии считались перспективными и метрополии инвестировали в институциональное строительство. Утверждалось также, что местное население обладало иммунитетом ко многим болезням, поражающим поселенцев, так что прямое воздействие смертности поселенцев на экономический рост было слабым, а главное влияние происходило косвенно – через воздействие на институциональное строительство, которое, в свою очередь, влияло на рост. Именно поэтому смертность среди поселенцев – идеальный эконометрический инструмент для решения проблемы эндогенности (институты → рост → институты). Результат же анализа с помощью этого инструмента был таким: для роста важны институты, а не географическое положение.

Другая школа (Sachs, 2003; Faye et al., 2004) придерживается мнения, что прямое влияние географии на рост значительное – через доступ к морю, транспортные издержки, климат и болезни. Дж. Сакс, споря с институционалистами (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001), указывает на высокую корреляцию между смертностью британских солдат в различных частях мира около 1820 г. и подушевым ВВП в 1980–1990-е годы. Сакс выделяет три группы развивающихся стран:

- 1) с благоприятными географическими условиями, хорошими институтами и экономической политикой – приморские районы Китая, Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия;
- 2) с благоприятным географическим положением, но по историческим причинам с плохим управлением и институтами – страны Центральной Европы, географическая близость которых к Западной Европе не принесла им особых преимуществ при социализме;
- 3) обедневшие страны с неблагоприятной географией (Африка южнее Сахары, Средняя Азия, большая часть Андского нагорья и горные районы Центральной Америки), с низким уровнем дохода и малочисленным населением (и, следовательно, с узкими внутренними рынками), расположенные далеко от моря и страдающие от болезней, особенно СПИДа, малярии и туберкулеза. Эта последняя группа стран «оказалась, по сути, в ловушке бедности из-за неспособности пройти рыночный тест на привлечение частных инвестиций» (Sachs, 2003).

Большинство авторов все же отвергают прямолинейный географический детерминизм, хотя и не принимают теорию колониального происхождения институциональных различий. Так, в статье с характерным названием *«Институты правят бал»* (Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2002) авторы исследуют влияние на экономический рост трех факторов – географических условий, институтов и внешней торговли. Трудность, конечно, состоит в том, что все эти факторы связаны – и между собой, и с экономическим ростом, так что авторы также применяют соответствующие инструменты: для институтов – поселенческую смертность, для доли внешней торговли в ВВП – расчетную долю на основе гравитационной модели. В результате они приходят к выводу, что нет ничего важнее институтов. Институты в значительной степени, хотя и не целиком, определяются географией и, в свою очередь, определяют уровень участия страны во внешней торговле. А прямое воздействие географии на экономический рост (а не опосредованное – через влияние на институты) оказывается незначимым.

Различия с географическим детерминизмом здесь очевидны, но есть и отличия от школы колониального происхождения институтов (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001). Как считают авторы описываемой статьи (Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2002), поселенческая смертность может быть хорошим эконометрическим инструментом для предсказания качества институтов, но не фактором, определяющим это качество. Нахождение инструмента не эквивалентно обнаружению причины. Д. Родрик (Rodrik, 2004) объясняет это следующим примером: различия в подушевом ВВП между странами, которые никогда не были колониями (Эфиопия, Афганистан, Турция, Таиланд,

Япония), не менее значительные, чем расхождения в подушевом ВВП между странами с колониальным прошлым. Как объяснить эти различия в странах без колониального прошлого?

Выход из мальтузианской ловушки

Альтернативная гипотеза, объясняющая генезис институтов и их эволюцию, состоит в следующем. Мальтузианский режим роста, в котором находились все страны до XVI в., характеризовался среди прочего низким неравенством доходов. Собственно говоря, неравенство и не могло быть существенным, так как при среднем доходе порядка 500 долл. В год на душу населения (в долларах 1990 г.) рост неравенства был связан с ростом доли населения, находящегося ниже прожиточного минимума. При предположении, что прожиточный минимум составлял половину среднего дохода, получается, что критический или максимально возможный уровень неравенства, достигаемый без вымирания населения, примерно соответствует коэффициенту Джини на уровне менее 50% (inequality possibility frontier) (Milanovic, Lindert, Williamson, 2008). Если фактический уровень неравенства превышал критический, население просто переставало расти или даже сокращалось (в результате снижения рождаемости и роста смертности). В мальтузианском режиме роста, когда богатство и мощь страны определялись численностью жителей и армии, это чаще всего означало поражение в будущей войне. Успех же страны выражался в быстром росте населения – как в Китае при императоре Цяньлуне, правление которого (1736–1795) ознаменовалось небывало быстрым ростом населения (доля Китая в мировом населении увеличилась с 23% в 1700 г. до 37% в 1820 г. (Maddison, 2008)).

Незначительное неравенство обеспечивали коллективистские институты, прежде всего община, но также и государство, руководствовавшиеся «азиатскими» ценностями – приоритетом интересов коллектива над интересами индивидуума. А незначительное неравенство означало низкую норму сбережений и инвестиций (так как бедная часть населения физически не могла делать сбережения), что создавало порочный круг: низкие сбережения и инвестиции → низкая и не повышающаяся капиталовооруженность → низкая и не растущая производительность труда → низкая норма накопления⁶. Даже если производительность труда и/или норма накопления по какой-то причине и возрастали, вступал в силу другой механизм: ускорение роста населения при повышении уровня жизни, «съедавшее» повышение капиталовооруженности и производительности труда.

Попытки выйти из мальтузианской ловушки предпринимались не раз, в том числе и в Древней Греции, и в Риме, и в Византии, но, видимо, они вели только к поражениям этих стран в войнах с более примитивными, но и более приверженными «азиатским» (общинным,

⁶ Модель Солоу основана на производственной функции с экзогенным техническим прогрессом (A не объясняется, а предполагается данным). В моделях с эндогенным техническим прогрессом A зависит от темпов накопления капитала (инвестиции в НИОКР и инновации ускоряют технический прогресс), так что более высокий уровень инвестиций ведет к ускорению роста не только из-за повышения капиталовооруженности, K/L , но и в результате повышения технического уровня производства, A .

коллективным) ценностям захватчиками. Разрушение традиционных (общинных) институтов и приоритетная защита интересов индивидуума, а не общины вели к росту доходного и имущественного неравенства, что позволяло увеличить сбережения, инвестиции, капиталовооруженность и производительность труда, но лишь ценой поляризации общества, замедления роста и даже сокращения численности населения – основы могущества наций в мальтузианском режиме роста.

«Великая цивилизация не завоевывается извне прежде, чем не разрушит себя изнутри», – отметил американский историк У. Дюрант о Римской империи (Durant, 1980). Этот диагноз, видимо, может объяснить падение и многих других амбициозных цивилизаций, в которых индивидуальные права ставились выше коллективных интересов, что давало простор для роста неравенства доходов, подрывало социальный мир и снижало число рекрутов.

Такой эксперимент при низком уровне доходов мог быть успешным только случайно – нужно было, чтобы два-три столетия драматических социальных перемен с ростом неравенства и крайней бедности не привели ни к разрушительным внутренним бунтам, ни к ослаблению государства и иностранному завоеванию. И, похоже, такая случайность превратилась в действительность в Англии в XVI–XVIII вв., в период огораживания, а затем и в остальной Северо-Западной Европе. Механизм выхода Запада из мальтузианской ловушки начиная с XVI в. был совсем не уникальным (попытки выхода предпринимались и до этого). Уникальным, однако, было то, что Запад смог продержаться два-три века, не будучи завоеван соседями с более традиционными институтами, – до тех пор, пока производительность труда не выросла к началу XIX в. более чем в два раза, – с соответствующими последствиями для военной мощи (первый выход из мальтузианской ловушки – рис. 7).

Многочисленные факты подтверждают такую гипотезу. Несмотря на ускорение роста производительности труда в 1500–1800 гг. В Великобритании (до 0,2% в год, так что за три века подушевой ВВП более чем удвоился⁷), уровень жизни населения (потребление) не повысился. «Самый важный стилизованный факт состоит в том, – пишет об этом Дж. Голдстоун, – что у нас нет никаких свидетельств сколько-нибудь значительного повышения материального благосостояния среднего работника нигде в мире до 1830 г.» (Goldstone, 2007). Даже в Англии, переживавшей промышленную революцию, реальные заработки на самом деле даже сократились в 1500–1800 гг. (Saito, 2009). Это косвенное подтверждение гипотезы растущего неравенства в эпоху огораживания и первоначального накопления капитала, которое привело к кардинальному росту доли сбережений и инвестиций в ВВП с 6% в 1760 г. до 12% в 1831 г. (Galor, 2008). Это также согласуется с тем фактом, что еще в XVIII в. уровень жизни в Китае был сопоставим с европейским: по уровню здравоохранения

⁷ Подушевой ВВП в Великобритании в постоянных долларах 1990 г. увеличился с 714 долл. в 1500 г. до 974 долл. в 1600 г., 1250 долл. в 1700 г. и 1706 долл. в 1820 г. (Maddison, 2008).

Рис. 7

Три выхода из мальтузианского режима роста

и санитарных условий, медицины, калорийности питания, продолжительности жизни, внутреннего потребления Китай не уступал главным европейским странам (Pomeranz, 2000).

Кардинальное перераспределение собственности (земли) в Англии и отсутствие такого перераспределения в Китае видно из данных о величине фермерских хозяйств: в Британии их средний размер увеличился с 14 акров в XIII в. до 75 акров в 1600–1700 гг. и до 151 акра в 1800 г., тогда как в Китае он снизился с 4 акров в 1400 г. до 3,4 акра в 1650 г. и до 2,5 в 1800 г. (в дельте Янцзы – с 4 акров в 1400 г. до 2 акров в 1600–1700 гг. и до 1 акра в 1800 г.). В Китае растущему сельскому населению предоставлялась земля за счет существующих владельцев, в Англии, напротив, фермеры сгонялись с земли и превращались в пролетариев (Brenner, Isett, 2002, table 1). Доля городского населения в Англии повысилась с 6% в 1600 г. до 13% в 1700 г. и 24% в 1800 г., в то время как в Китае она сократилась с более 20% в XIII в. до всего лишь 5% (!) в начале XIX в. (Brenner, Isett, 2002, table 4).

В XVI–XVIII вв., таким образом, Европа и Китай (да и весь Юг) разошлись не столько в динамике потребления, сколько в динамике имущественного и доходного неравенства, сбережений и инвестиций. В Англии к 1800 г. две трети работников были уже пролетариями

(работающими по найму), а в Китае – только 10% (Pomeranz, 2008). По наблюдению Р. Бреннера и К. Айсетта, в Англии «экономические фигуры, распространенные в дельте Янцзы, такие, как крестьяне-собственники и землевладельцы, получающие ренту с помощью внеэкономического принуждения, преобладали в средневековый период, но затем сошли с исторической сцены... Главные агенты в экономике, особенно фермеры-арендаторы, теперь хоть и владели средствами производства (сельхозинвентарь, скот и прочее), но были отделены от условий своего собственного полного экономического воспроизводства, именно от земли» (Brenner, Isett, 2002, p. 614).

Издержки такого перераспределения собственности и повышения неравенства были исключительно высокими – продолжительность жизни в Англии снизилась с 35–40 лет в конце XVI в. до 30–35 в начале XVIII в. (рис. 8). Темпы роста населения упали с 0,7% в 1000–1500 гг. до 0,4% в XVI в. и до 0,3% в XVII в., прежде чем выросли до 0,9% в XVIII в. и XIX в. Для 29 западноевропейских стран соответствующие цифры составили: 0,8; 0,3; 0,1; 0,5 и 0,7% (Maddison, 2008).

Но и переориентация всей экономической машины с потребления на накопление стала, несомненно, крупнейшим социальным изменением за тысячелетия. Ведь прежде, до XVI в., доля сбережений и инвестиций в ВВП едва доходила до 5% и была едва достаточна для возмещения изношенного основного капитала и создания новых рабочих мест для растущего населения.

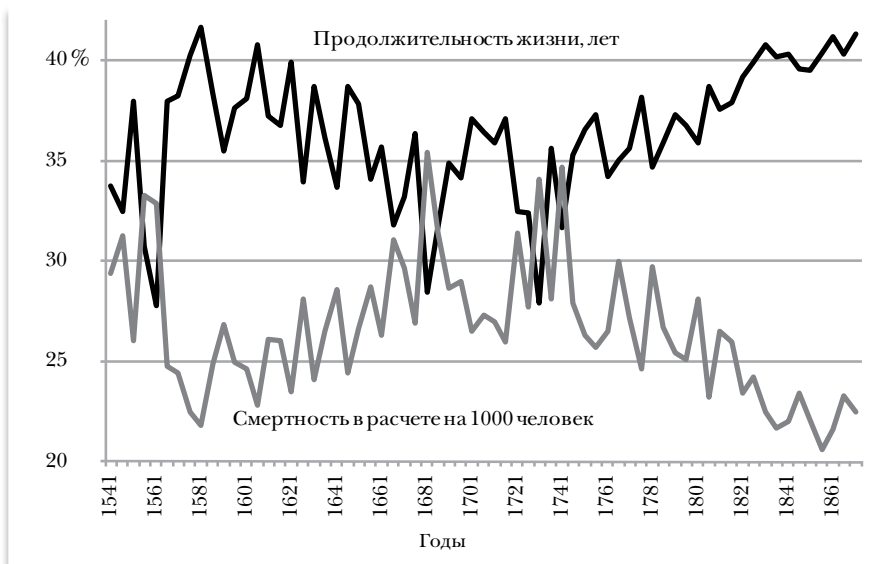

Рис. 8

Уровень смертности и продолжительности жизни в Англии в период начальной урбанизации и индустриализации, 1566–1871 гг.

Источник: Wringley, Schofield, 1981.

Египетские пирамиды, Великая Китайская стена и прочие масштабные сооружения древности, конечно, поражают воображение, но, похоже, вполне могли быть построены при норме сбережений порядка 5% ВВП. Оценка стоимости строительства пирамиды Хеопса сегодня (на которую пошло бы почти столько же бетона, сколько на плотину Гувера в Неваде (в долларах 2012 г. она оценивается в 729 млн долл.)) варьирует от 250 млн до 5 млрд долл. (How Staff Works Express, 2012; Wolchover, 2012). ВВП же Египта в первом тысячелетии нашей эры (более ранних данных нет) составлял порядка 2,5–2,7 млрд долл. В ценах 1990 г., т.е. почти 5 млрд долл. В ценах 2012 г. Если даже взять верхнюю оценку стоимости строительства (5 млрд долл.) и принять, что пирамида и правда строилась всего 20 лет (сейчас считают, что дольше), то на строительство как раз должны были уйти все национальные сбережения при норме сбережений 5%. Конечно, основной производственный капитал – ирригационные сооружения, при том что весь национальный фонд сбережений съедался строительством пирамиды, деградировал, и, согласно одной из теорий, истощение ресурсов Египта для постройки великой гробницы фараона привело к ослаблению государства и падению Четвертой династии. Ну так, по одной из теорий (Нуреев, 1993), это и есть имманентный цикл развития азиатского способа производства: использование всех сбережений деспотом на войну или строительство культовых сооружений → деградация ирригационных сооружений и падение уровня жизни → восстание или иностранное завоевание, ведущее к появлению новых правителей, которые до поры до времени тратят сбережения на производственные инвестиции, но затем снова начинают тратить их на войну или на строительство пирамид.

На строительстве Великой Китайской стены во времена Цинь Шихуанди (221–210 гг. до н.э.), первого императора, объединившего страну и начавшего строительство Стены, работало, как утверждает, около 1 млн человек (Scnt, 2012; **How Many People, 2012**) при тогдaшнем населении в 20 млн человек (Duan Chang-Qun et al., 1998), т.е. около 10% рабочей силы (что приблизительно соответствует норме накопления в 10%). Но такое было возможно, видимо, только в течение нескольких лет, после чего наступило разрушение основного производственного капитала. Оценки численности рабочих на строительстве Стены в VI–VII вв. н.э. (1,0–1,8 млн человек (Scnt, 2012)) при численности населения Китая, в то время равной 50–60 млн человек, соответствуют 3–7% трудоспособного населения.

В Корее и Индии даже в начале XX в. доля сбережений все еще была на уровне 4–7% ВВП. В 1870–1999 гг. В Австралии, Канаде, Японии, Великобритании норма сбережений составляла всего 9–14% ВВП (Maddison, 1992). Как видно из рис. 9, доля сбережений в Аргентине в конце XIX – начале XX в., вплоть до Второй мировой войны не превышала 10%. А во многих бедных странах Африки

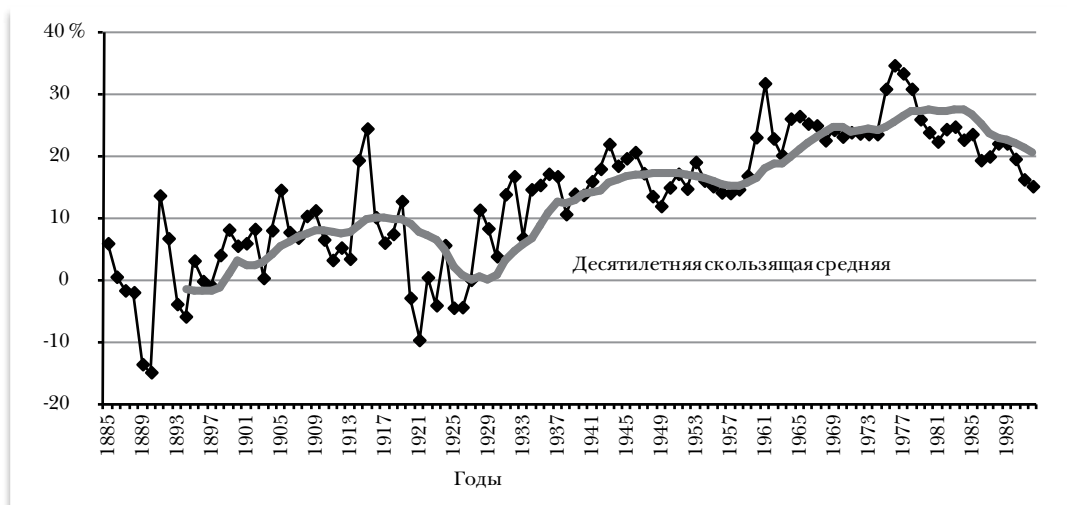

Рис. 9

Доля частных сбережений в Аргентине, % ВВП в 1885–1995 гг.

Источник: Maddison, 1992.

и Южной Азии доля сбережений и инвестиций и сегодня находится на уровне 5–10%. Выход же из мальтузианской ловушки и достижение темпов роста производительности, измеряемых десятками долями процента и выше, с необходимостью предполагают повышение сбережений сверх этого уровня.

Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жесткости в переделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через возросшие инвестиции.

Известно, что большая часть открытий в фундаментальной науке делалась отнюдь не в погоне за прибылью. Как быстро делаются новые открытия и изобретения, видимо, определяется не столько вознаграждением ученых, сколько объемом средств, затрачиваемых на НИОКР. Сегодня ведущие страны (США, Япония, Южная Корея, крупные европейские державы) затрачивают на НИОКР порядка 2–3% ВВП, но и при затратах менее 1% ВВП скорость прогресса в фундаментальной науке может быть очень значительной. Во многих древних обществах уровень знаний и фундаментальной науки значительно превышал уровень применявшихся в производстве технологий. Шелк и компас, порох и бумага, фарфор, доменные печи и книгопечатание – все это было изобретено в Китае в Средние века или даже еще раньше, но не получило широкого применения, так как скорость распространения изобретений определяется именно материализацией конструкторских разработок «в металле».

Если бы дело было только в изобретениях, то развивающиеся страны уже давно догнали бы Запад по производительности труда – в африканских деревнях земля до сих пор обрабатывается мотыгами не потому, что никто не знает про трактор, а потому, что нет денег, чтобы его купить. Для быстрого распространения нововведений норма накопления (инвестирования) должна не просто превышать 5% ВВП (примерный уровень возмещения выбытия и создания новых рабочих мест для растущего населения), но, видимо, быть на уровне 20% и выше. В противном случае обновление основного капитала не будет поспевать за темпами материализации изобретений в развитых странах, так что развивающиеся страны будут обречены на постоянное отставание.

Используя сравнение П. Кругмана, сделанное по другому поводу⁸, можно утверждать, что Запад разбогател не благодаря вдохновению (*inspiration*), но благодаря «поту и крови» (*perspiration*), или, чтобы быть более точным, благодаря безжалостному «большому толчку» – ускорению накопления капитала, которое стало возможным только в результате роста неравенства после экспроприации мелких земельных собственников и которое вызвало обнищание масс, рост смертности и страданий.

Траектории институционального развития в странах Юга

После выхода Запада из мальтузианской ловушки прочие страны (Юг), включая самые развитые (Китай), еще долгое время оставались в мальтузианском режиме роста, сохраняя традиционные, общинные институты и показывая очень медленное – сотые доли процента – повышение производительности в результате роста (пусть даже едва заметного) технического уровня производства. Можно только гадать, чем бы закончилась конкуренция между странами и цивилизациями в мальтузианском режиме роста, когда численность населения была главным критерием успеха, так как колониальная экспансия Запада не позволила этой тенденции развиваться до логического завершения.

Эта колониальная экспансия разделила страны Юга на две группы. В странах Африки южнее Сахары, странах Латинской Америки, во многих странах бывшего СССР произошло полное или почти полное разрушение традиционных институтов (общины); они были заменены, но только частично, новыми институтами личной ответственности, импортированными с Запада. Напротив, Восточная Азия, Ближний и Средний Восток и в значительной степени Южная Азия смогли, вопреки колониализму, в большей степени сохранить традиционные коллективистские институты. Можно предположить, что страны и регионы, сохранившие традиционные институты, не испытали роста неравенства доходов и нормы накопления. В то же время они смогли сохранить преемственность институтов, которая

⁸ П. Кругман говорил о восточноазиатском «экономическом чуде» – быстром росте Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга, который, как он полагал, был вызван ускоренным накоплением капитала в результате высокой доли инвестиций в ВВП (экстенсивные факторы роста – *perspiration*), а не ускоренным ростом совокупной производительности факторов (*inspiration*). Иными словами, П. Кругман считал, что никакого «чуда», по сути, не было.

обеспечила их высокое качество. Другие страны мировой периферии, которые попытались воспроизвести западную модель выхода из мальтузианской ловушки и где развитие традиционных институтов было прервано, заплатили цену в виде ухудшения качества и эффективности этих институтов.

Трансплантация институтов – сложный процесс; он оказывается успешным лишь тогда, когда импортируемые институты приспособлены к местным потребностям и к существующим траекториям институционального развития и не прерывают институциональной преемственности (Полтерович, 2001). В противном случае качество институтов серьезно ухудшается, так как возникает нежизнеспособная смесь из старых национальных и новых иностранных институтов. Если только старые институты не уничтожаются полностью вместе с населением, как это произошло во многих переселенческих колониях – США, Канаде, Австралии.

Если институциональный потенциал государства (качество государственных институтов) определить как способность правительства добиваться исполнения законов и предписаний, то его естественными измерителями будут доля теневой экономики и уровень преступности, а еще лучше – уровень убийств, так как полнота регистрации преступлений сильно варьирует по странам, а тяжкие преступления все-таки регистрируются довольно полно даже в развивающихся странах (Роров, 2011).

Западным странам понадобилось 500 лет, чтобы снизить число убийств с 50–100 до 1–3 на 100 тыс. человек населения (рис. 10). Как видно, в XVI–XVII вв. уровень убийств в Западной Европе в основном превышал 10 человек на 100 тыс. жителей – значительно больше, чем во многих развивающихся странах со схожим уровнем ВВП на душу населения сегодня. На самом деле в развивающемся мире в настоящее время мы находим два типа стран – с относительно низким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (1–3 человека на 100 тыс. жителей – Восточная Европа, Восточная Азия и Ближний и Средний Восток) и с относительно высоким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (15–75 человек на 100 тыс. жителей – в европейских республиках бывшего СССР и Казахстане, в странах Латинской Америки и Африки южнее Сахары) (рис. 11–12).

Страны Южной (Индия, Бангладеш, Шри-Ланка) и Юго-Восточной Азии (Малайзия, Индонезия, Таиланд, Вьетнам) занимают промежуточное положение – 5–10 убийств на 100 тыс. жителей (за исключением Филиппин, где уровень убийств составляет 21 человек на 100 тыс. жителей). Страны Восточной Европы с низким уровнем убийств (1–3 человека) более похожи в этом отношении на страны Западной Европы, а такие регионы бывшего СССР, как Закавказье и Средняя Азия, более похожи на традиционные общества (тоже 1–3 убийства на 100 тыс. жителей) (рис. 11–12)⁹.

⁹ Другое свидетельство сохранения традиционных институтов в странах Восточной и Южной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке – почти полное отсутствие городских трущоб (Romaganz, 2008) и бездомных детей, наличие которых можно наблюдать в избытке в Латинской Америке, Африке южнее Сахары и России. В России в 2010 г. насчитывалось 700 тыс. сирот – больше, чем после Великой Отечественной войны (Achmatova 2010), и больше, чем в Китае, – 600 тыс. (Faces of the Abandoned, 2007).

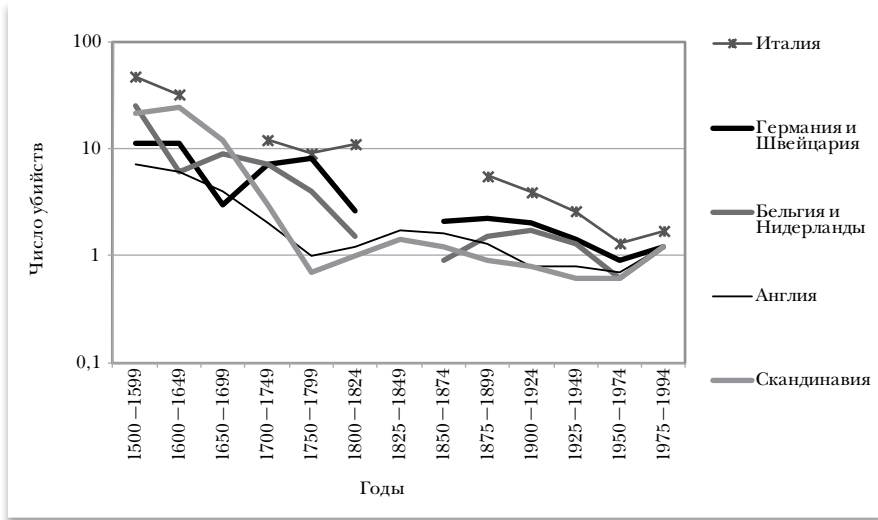

Рис. 10

Число убийств на 100 тыс. жителей (логарифмическая шкала) в Западной Европе в 1500–2000 гг.

Источник: Eisner, 2003.

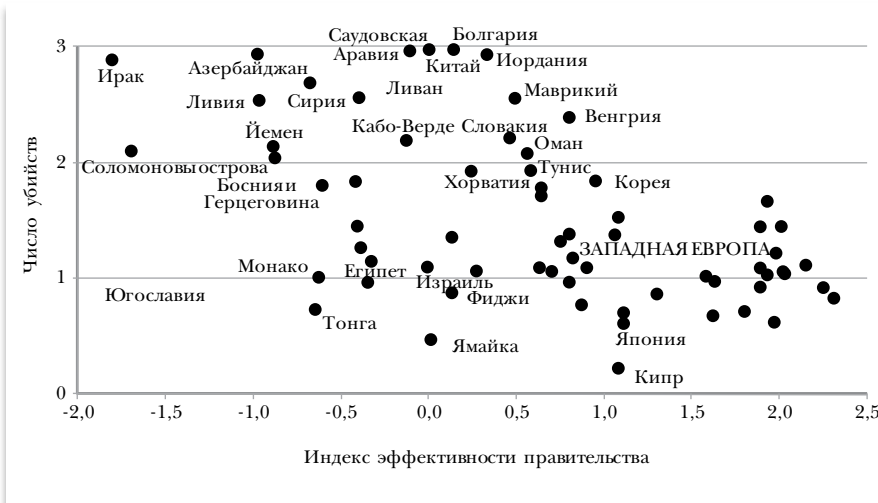

Рис. 11

Число убийств на 100 тыс. жителей и индекс эффективности правительства в 2002 г. – страны с числом убийств 1–3 чел. на 100 тыс. жителей

Источники: Worldwide Governance Indicators; WHO database.

Данные, хотя и отрывочные, о неравенстве в распределении доходов в разные исторические эпохи и в разных странах дают еще одно подтверждение наличия трех выходов из мальтузианской ловушки и двух траекторий институционального развития развиваю-

щихся стран. Разрушение традиционных институтов в западных странах вызвало резкий рост неравенства: в Англии коэффициент Джини – неравенства в распределении доходов – вырос с 46% в 1688 г. до 53% в 1860-е годы (Saito, 2009). По другим данным (Milanovic, Lindert, Williamson, 2008), в Англии и Уэльсе, Голландии и Испании коэффициент Джини достигал уже в XVIII в. 50–60% (рис. 13) – чрезвычайно высокий уровень как по современным стандартам, так и по стандартам докапиталистического общества (менее 40% в Древнем Риме в I в. н.э. и в Византии в 1000 г.).

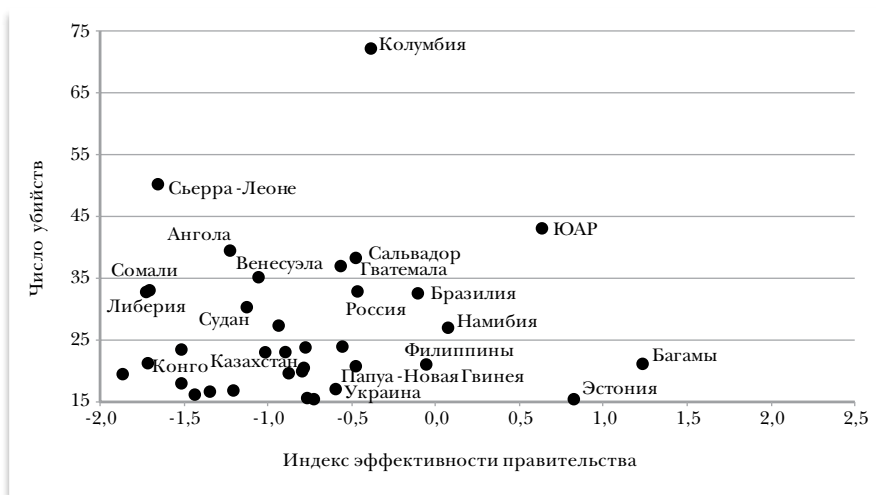

Рис. 12

Число убийств на 100 тыс. жителей и индекс эффективности правительства в 2002 г. – страны с числом убийств более 15 чел. на 100 тыс. жителей

Источники: Worldwide Governance Indicators; WHO database.

По уровню неравенства доходов, как и по уровню смертности и теневой экономики, развивающиеся страны сегодня можно разделить на две группы (рис. 14) – страны Латинской Америки, Африки южнее Сахары и Россия, где коэффициент Джини составляет, как правило, 40–60%, – с одной стороны, и страны Восточной и Южной Азии и Ближнего и Среднего Востока, где коэффициент Джини обычно находится на уровне ниже 40%, – с другой.

В первой группе стран рост коэффициента Джини, как и на Западе в период первоначального накопления капитала, был связан с разрушением традиционных институтов. По имеющимся оценкам (регрессии, связывающие коэффициент Джини с подушевым ВВП, плотностью населения, урбанизацией и колониальным статусом), колониализм повысил коэффициент Джини на 13 процентных пунктов (Williamson, 2009).

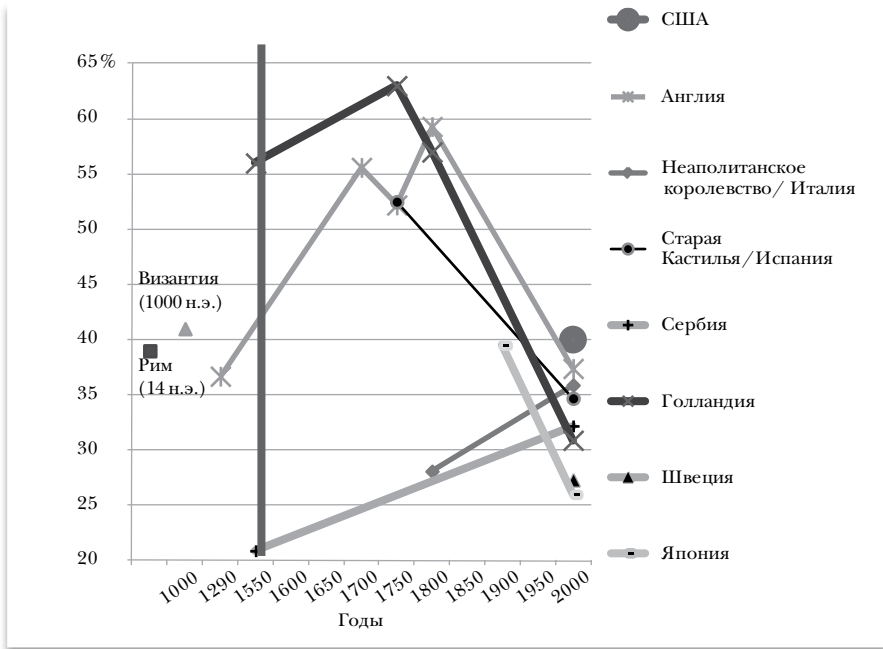

Рис. 13

Коэффициент Джини распределения доходов в развитых странах в 1290–2000 гг., %
Источник: Milanovic, Lindert, Williamson, 2008.

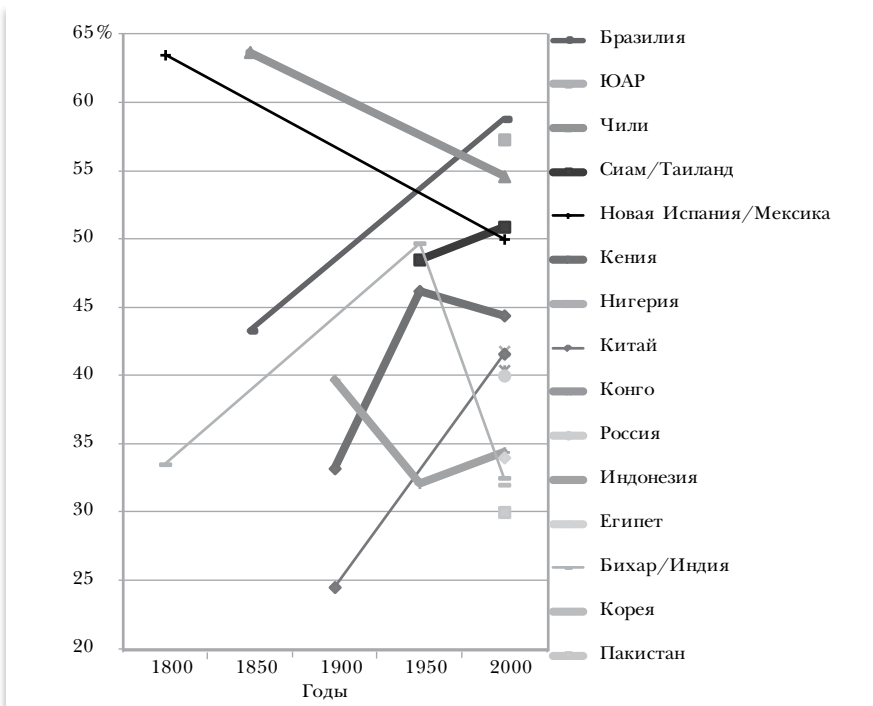

Рис. 14

Коэффициент Джини распределения доходов в развивающихся странах в 1800–2000 гг., %

Источник: Milanovic, Lindert, Williamson, 2008.

В странах Латинской Америки реконструированный на основе этих регрессий коэффициент Джини вырос с 22,5% в 1491 г. до более 60% в 1929 г. (рис. 15). Напротив, Индия, Китай и Япония в XVIII–XIX вв. имели относительно низкое неравенство доходов (см. рис. 14) (Pomeranz, 2000; Saito, 2009)¹⁰. В целом в странах Ближнего и Среднего Востока, Восточной и Южной Азии неравенство, особенно до 1990-х годов, было существенно ниже.

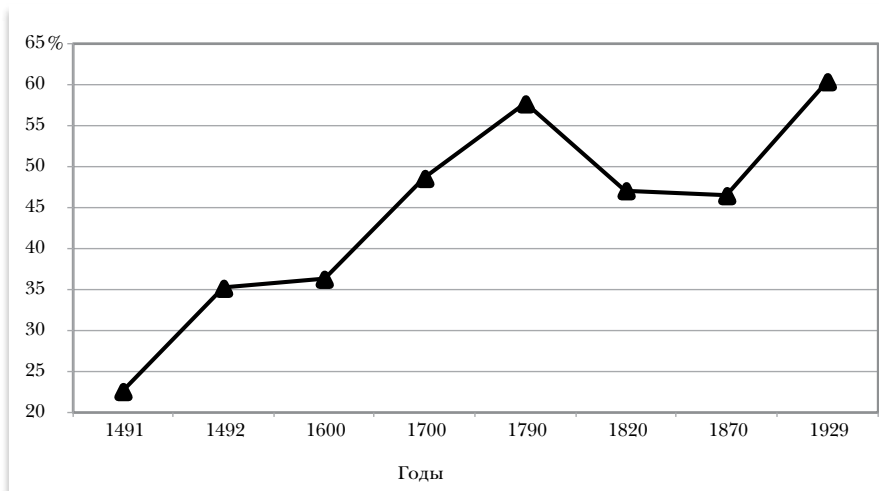

Рис. 15

Реконструированный коэффициент Джини (неравенства в распределении доходов) в Латинской Америке в 1491–1929 гг., %

Источник: Williamson, 2009.

Даже в Индии и Китае (последний стал полуколонией Запада после «опиумных войн» середины XIX в.) колониализм принес с собой рост неравенства и голодных смертей, так как до колониализма эгалитарные институты позволяли более равномерно распределять меньшее количество продовольствия. В Индии даже в первые 100 лет британского колониального господства число эпизодов массового голода превысило число таких случаев за предыдущие 2 тысячи лет. По самым надежным имеющимся оценкам, во время голода 1876–1878 гг. в Индии погибло 6–8 млн человек, а «двойной голод» 1896–1897 и 1899–1900 гг. унес жизни еще 17–20 млн человек, так что за последнюю четверть XIX в. – период наивысшего расцвета британского колониального господства в Индии – от голода в среднем погибало по 1 млн человек в год (Chibber, 2005). В Китае в 1644–1795 гг. в среднем в год от голода погибало 8 тыс. человек, в 1796–1871 гг. – 57 тыс. человек, в 1871–1911 гг. – 325 тыс. человек, а в 1911–1947 гг., уже в период Республики, – 583 тыс. человек. Только один голод 1876–1879 гг. унес жизни 10 млн человек – вдвое больше, чем все случаи голода с 1644 г. (подсчеты Минфан Ся, цитируемые в (Pomeranz, 2008)).

¹⁰ В Японии коэффициент Джини повысился с 34% в 1860 г., накануне революции Мэйдзи, до 56% в 1940 г., но затем упал до 30–40% в 1960–1990 гг. (Saito, 2009).

Неравенство же в распределении доходов, как известно, связано с подрывом качества институтов, если измерять это качество уровнем преступности (рис. 16) и долей теневой экономики.

Две страны – Россия и Китай – могут служить примером двух разных выходов из мальтузианской ловушки. Россия пошла по пути вестернизации как минимум со времен Петра I, с начала XVIII в., причем реформа 1861 г. резко ускорила этот процесс и привела к скачкообразному усилению неравенства. Как видно из данных таблицы, доля крестьян-середняков в общей массе крестьян, оставшаяся на стабильном уровне (порядка 50%) в 1600–1860 гг., резко снизилась к концу XIX в. (до 23%) за счет повышения доли кулаков и бедняков. Число крестьянских волнений выросло с 10–30 в год в начале XIX в. до 300 в год накануне реформы 1861 г. и до 3 тыс. В год во время Первой русской революции 1905–1907 гг., а число преступлений на 100 тыс. человек населения выросло в 1850–1910 гг. более чем в 3 раза – с 500 до свыше 1,5 тыс. (Turchin, Nefedov, 2009, p. 285–286).

Таблица

Изменение социальной структуры российского крестьянства в 1600–1900 гг. – доля зажиточных крестьян, середняков и бедняков, % общей численности

Годы	Зажиточные	Средняки	Бедняки
1600–1750	15	53	32
1751–1800	10	48	42
1801–1860	16	56	30
1896–1900	18	23	59

Источник: Turchin, Nefedov, 2009, p. 277.

Социалистический же эксперимент (1917–1991) – смелая попытка восстановления коллективистских институтов – действительно привел и к снижению имущественного, доходного и социального неравенства, и к снижению преступности, но ненадолго, так как был в значительной степени чуждым предыдущей логике институционального развития.

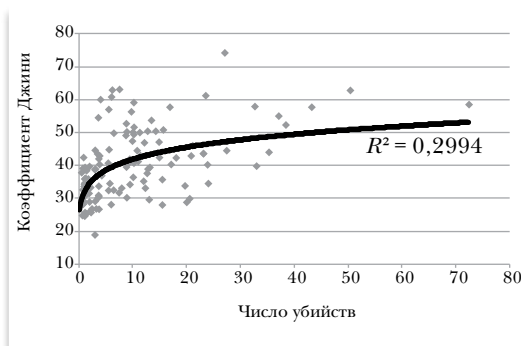

Рис. 16

Неравенство в распределении доходов в 1995–2005 гг. и число убийств на 100 тыс. жителей в 2002 г.

Источник: WHO, WDI.

В Китае же, напротив, кратковременная (100 лет) и безуспешная попытка вестернизации (со времени «опиумных войн» до революции 1949 г.), приведшая к ослаблению институтов, превращению Китая в полуколонию, «боксерскому» и тайпинскому восстаниям и фактическому развалу страны (1915–1927), завершилась в конце концов – с приходом к власти коммунистов и образованием КНР – возвращением на долговременную траекторию «азиатских» ценностей и коллективистских институтов.

Китайская революция 1949 г., конечно, была сродни российской Октябрьской революции 1917 г. как потому, что коммунисты пришли к власти, так и потому, что они восстановили коллективистские институты, разрушенные предшествующей вестернизацией. Но что было преходящим эпизодом и отклонением от магистральной тенденции трансплантации западных институтов в России, то в Китае оказалось возвращением на траекторию долгосрочного институционального развития. Даже после рыночных реформ Дэн Сяопина резко возросшее неравенство в распределении доходов в Китае все же не привело к такому драматическому подрыву эффективности институтов, как это наблюдалось в России (судя по данным о теневой экономике и убийствах).

Выводы

Западные страны преодолели мальтузианскую ловушку роста путем разрушения традиционных институтов (общины), что повлекло за собой рост неравенства, бедности и смертности, но также и рост доли сбережений и инвестиций в ВВП (за счет сокращения потребления) и ускорение экономического роста. Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько вследствие жестокости в переделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через рост инвестиций.

Когда эта западная модель была распространена на развивающиеся страны (через колониальный нажим «сверху» или добровольное подражание «снизу» – страны Африки южнее Сахары, Латинской Америки и Российская империя), она также привела к повышению нормы накопления, но и к увеличению неравенства и снижению качества институтов, что ухудшило стартовые позиции для экономического роста. Другие районы развивающегося мира, менее подверженные колониальному влиянию и лучше сохранившие традиционные институты (страны Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии), имели низкую норму накопления и пребывали в мальтузианской ловушке до XX в., однако сумели избежать ослабления государственных институтов. Постепенное и очень медленное повы-

шение ВВП на душу населения в результате технического прогресса в XVI–XIX вв. позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки – повысить норму накопления без роста неравенства, бедности, смертности и подрыва институтов.

Если такая интерпретация верна, то послевоенный экономический рост стран Восточной Азии, видимо, является поворотным моментом в мировой экономической истории. Не столько потому, что в Восточной Азии живет треть мирового населения, сколько потому, что догоняющее развитие впервые оказалось и оказывается успешным, и потому, что оно основано на принципиально иной, отличной от западной экономической модели и способе выхода из мальтузианской ловушки. Это – модель сохранения коллективных («азиатских») ценностей, относительно низкого неравенства и институциональной преемственности, обеспечивающей более высокое качество институтов.

В соответствии с изложенной схемой следующими крупными регионами, которые продемонстрируют успешное догоняющее развитие, будут страны Ближнего и Среднего Востока (Турция, Иран, Египет и др.) и Южной Азии (Индия), тогда как страны Латинской Америки, Африки южнее Сахары и Россия будут отставать.

Предсказания, конечно, всегда опасны, тем более что прогнозы часто имеют идеологическую окраску. Многие сегодня склонны считать, что экономические чудеса будущего произойдут в демократических странах со свободным предпринимательством – Бразилии, Мексике, Турции, Индии. Однако представим на минуту, что вопрос о будущих чемпионах роста обсуждается в 1960 г. – одни ставят на рыночные и демократические страны Латинской Америки, другие – на авторитарные (и даже коммунистические) государства Восточной Азии с сильным государственным вмешательством в экономику... Сегодня, полвека спустя, мы знаем, кто оказался прав.

Да и сама господствующая идеология, как известно, со временем меняется. В 1970-е годы экономический успех Японии объяснялся специфической структурой экономики, которую тогда называли «Japan incorporated» – особыми отношениями между бизнесом и правительством (МТП), между банками и нефинансовыми компаниями (германо-японская кредитно-финансовая система) и между предпринимателями и рабочими (пожизненный найм). Во время стагнации 1990-х годов, и особенно после азиатского кризиса 1997 г., который не обошел и Японию, эти самые особые отношения стали рассматриваться как неотъемлемая характеристика «приятельского капитализма» (*crony capitalism*), виновного в застое и кризисе.

Точно так же и во время азиатского кризиса 1997 г. США настаивали, чтобы азиатские страны не национализировали банки, не увеличивали государственные расходы и не накачивали денежную массу

в обращение, хотя сами в ходе недавнего кризиса 2008–2009 гг. вынуждены были прибегнуть именно к этим рецептам. «Делайте, как мы говорим, а не так, как мы делаем» – так сегодня в США объясняют различие рекомендаций в отношении экономической политики внутри страны и «на экспорт».

Так или иначе, страны Юга волею судеб оказались на разных траекториях институционального развития, что предопределило различия их экономических моделей. Этот естественный эксперимент дает возможность сравнивать результаты – выгоды и издержки обеих моделей. А господствующая идеология в конце концов будет зависеть от исхода экономического соревнования между разными моделями догоняющего развития в странах Юга.

Литература

- Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А.** (2011а). Проблемы международных экономических сопоставлений (о некоторых спорных вопросах и расчетах) // *Россия XXI*. № 3.
- Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А.** (2011б). Проблемы международных экономических сопоставлений (Китай, Россия и другие страны в геоэкономической картине мира) // *Россия XXI*. № 4.
- Мельянцева В.А.** (1996). Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Нуреев Р.М.** (1993). Азиатский способ производства как экономическая система. В кн.: «Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти». М.: Наука. С. 62–87.
- Полтерович В.М.** (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. № 3.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A.** (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Econ. Review*. Vol. 91. P. 1369–1401.
- Achmatova N.** (2010). Russia Facing an Orphanage, and Adoption Crisis. [Электронный ресурс] 06/04/2010. AsiaNews.IT. Режим доступа: <http://www.asianews.it/news-en/Russia-facing-an-orphanage-and-adoption-crisis-18587.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Brenner R., Isett C.** (2002). England's Divergence from China's Yangzi Delta: Property Relations, Microeconomics, and Patterns of Development // *The J. of Asian Studies*. Vol. 61. No. 2 (May, 2002). P. 609–662.
- Bryant J.M.** (2006). The West and the Rest Revisited: Debating Capitalist Origins, European Colonialism, and the Advent of Modernity // *Canadian J. of Sociology*. Vol. 31(4).
- Ccnt** (2012). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ccnt.com.cn/culture/greatwall/lishi/huati/huati03.htm>, свободный. Яз. кит. (дата обращения: июль 2012 г.).

- Chibber V.** (2005). The Good Empire – Should we Pick up Where the British Left off? // *Boston Review*. February–March.
- Clark G.** (2007). A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World. September. Princeton, Oxford: Princeton University Press.
- Diamond J.** (1997). Guns, Germs and Steel: The Fate of Human Societies. N.Y.: W.W. Norton.
- Duan Ch.-Q., Gan X.-Ch., Wang J.** et al. (1998). Relocation of Civilization Centers in Ancient China: Environmental Factors // *Ambio*. Vol. 27. No. 7 (Nov.). P. 572–575.
- Durant W.** (1980). Caesar and Christ (The Story of Civilization). Vol. 3. N.Y.: Nook Books.
- Eisner M.** (2003). Long-Term Historical Trends in Violent Crime // *Crime and Justice*. Vol. 30. P. 83–142.
- Faces of the Abandoned (2007). China's Orphanages Used to be Seen as Dumping Grounds for Unwanted Children. [Электронный ресурс] // *Newsweek*. Dec. 12. Режим доступа: <http://www.thedailybeast.com/newsweek/2007/12/12/faces-of-the-abandoned.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Faye M.L., McArthur J.W., Sachs J.** et al. (2004). The Challenges Facing Landlocked Developing Countries // *J. of Human Development*. Vol. 5. No. 1. March.
- Findlay R., O'Rourke K.H.** (2009). Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium. Princeton: Princeton University Press.
- Galor O.** (2008). Economic Growth in the Very Long-Run. In: *The «New Palgrave Dictionary of Economics»*. S. Durlauf, L. Blume (eds.). L.: Palgrave Macmillan.
- Galor O., Weil D.** (2000). Population, Technology, and Growth: From Malthusian Stagnation to the Demographic Transition and Beyond // *American Econ. Rev.* Vol. 90(4). September. P. 806–828.
- Goldstone J.A.** (2007). Unraveling the Mystery of Economic Growth. A Review of Gregory Clark's *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World* // *World Economics*. Vol. 8. No. 3 (July–September). Princeton, Oxford: Princeton University Press.
- How Many People (2012). How Many People Worked On The Great Wall of China? The China Expat [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.thechinaexpat.com/how-many-people-worked-on-the-great-wall-of-china/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- How Staff Works Express (2012). What if we Built the Great Pyramid Today? [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://express.howstuffworks.com/mb-pyramid.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Landes D.** (1998). Wealth and Poverty of Nations. Why Are Some So Rich and Others So Poor? N.Y.: W.W. Norton.
- Maddison A.** (1992). A Long Run Perspective in Savings // *Scandinavian J. of Econ.* June.

- Maddison A.** (2005). Explanatory Background Note on Historical Statistics. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ggdc.net/MADDISON/Historical_Statistics/BackgroundHistoricalStatistics_03-2010.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Maddison A.** (2008). Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2006 AD. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09-2008.xls, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Milanovic B., Lindert P.H., Williamson J.G.** (2008). Pre-Industrial Inequality: An Early Conjectural Map. [Электронный ресурс] August 23, 2007. Мimeo. Режим доступа: http://www.economics.harvard.edu/faculty/williamson/files/Pre-industrial_inequality.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Mokyr J.** (2002). The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press.
- Pomeranz K.** (2000). The Great Divergence: Europe, China, and the Making of the Modern World Economy. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Pomeranz K.** (2008). Chinese Development in Long-Run Perspective // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 152. No. 1. March.
- Попов В.** (2009а). China's Rise in the Medium Term Perspective: an Interpretation of Differences in Economic Performance of China and Russia since 1949. In: «*Transition to Market Oriented Economy*». Khan N.A. (ed.). Hyderabad: Icfai books.
- Попов В.** (2009b). Why the West Became Rich before China and Why China Has Been Catching Up with the West since 1949: Another Explanation of the “Great Divergence” and “Great Convergence” Stories. [Электронный ресурс] NES/CEFIR Working paper № 132, October 2009. Режим доступа: <http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/China-Great%20Divergence-NES-CEFIR-2009.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Попов В.** (2011). Developing New Measurements of State Institutional Capacity. [Электронный ресурс] PONARS Eurasia Policy Memo No. 158. May; MPRA Paper 32389. August.
- Rodrik D.** (2004). Getting Institutions Right // *CESifo. J. for Institutional Comparisons*. Vol. 2. No. 4. Summer.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.** (2002). Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic development. [Электронный ресурс] October. Режим доступа: <http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/institutionsrule,%205.0.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Sachs J.** (2003). Institutions Matter, but Not for Everything. The Role of Geography and Resource Endowments in Development Shouldn't be Underestimated // *Finance & Development*. June. No. 38.

- Saito O.** (1996). Historical Demography: Achievements and Prospects // *Population Studies*. Vol. 50. No. 3. P. 537–553.
- Saito O.** (2006). Pre-Transition Fertility in Asia: A Comparative-historical Approach // *J. of International Econ. Studies*. Vol. 20. P. 1–17.
- Saito O.** (2009). Income Growth and Inequality Over the Very Long Run: England, India and Japan Compared. Paper presented at The First International Symposium of Comparative Research on Major Regional Powers in Eurasia. July 10.
- Solow R.M.** (2007). Survival of the Richest? In: *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World* by Gregory Clark (Princeton University Press, 420 pp.) // *New York Review of Books*. Vol. 54. No. 18. November 17.
- Subramanian A.** (2011). *Eclipse: Living in the Shadow of China's Economic Dominance*. Washington: Peterson Institute for International Economics.
- Turchin P.** (2005). *War and Peace and War: The Life Cycles of Imperial Nations*. N.Y.: Pi Press.
- Turchin P., Nefedov S.A.** (2009). *Secular Cycles*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.
- WDI [Электронный ресурс] World Development Indicators, World Bank. Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Wen G.J.** (2008). Why Was China Trapped in an Agrarian Society – An Economic Geographical Approach to the Needham Puzzle. Mimeo. Trinity College, Department of Economics.
- WHO [Электронный ресурс] WHO Statistical Information System (WHOSIS). Режим доступа: <http://www.who.int/whosis/mort/download/en/index.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Williamson J.G.** (2009). History Without Evidence: Latin American Inequality since 1491. Georg-August-Universität Göttingen. Discussion paper. No. 3.
- Wolchover N.** (2012). How Much Would It Cost to Build the Great Pyramid Today? [Электронный ресурс] Date: 22 February 2012. Режим доступа: <http://www.livescience.com/18589-cost-build-great-pyramid-today.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Wong R.B.** (1997). *China Transformed: Historical Change and the Limits of the European Experience*. Ithaca: Cornell University Press.
- World Bank (1998). *World Development Report 1997: The State in a Changing World*. World Bank.
- Worldwide Governance Indicators [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2012 г.).
- Wringley E.A., Schofield R.S.** (1981). *The Population History of England, 1541–1871. A Reconstruction*. L.: Edward Arnold.

Поступила в редакцию 27 апреля 2012 года

V.V. Popov

Graduate School of International Business of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration

Why the West got Rich Before Other Countries and Why China is Catching Up With the West Today? New Answer to the Old Question

The goal of this paper is to offer a non-technical interpretation of the “Great Divergence” and “Great Convergence” stories. After reviewing existing explanations in the literature, I propose a different interpretation. Western countries exited the Malthusian trap by destroying traditional institutions, which was associated with an increase in income inequality and even a decrease in life expectancy, but allowed the redistribution of income in favor of savings and investment at the expense of consumption. When the same pattern was imposed on some developing countries (colonialism – Sub-Sahara Africa, Latin America, and the former Soviet Union), it resulted in the destruction of traditional institutions, increase of income inequality, and worsening of starting positions for catch-up development. Other developing countries – East Asia, South Asia, the Middle East and North Africa – that were less affected by colonialism, managed to retain traditional institutions and by the end of the XX century found themselves in a better starting position for modern economic growth. The slow-going technical progress finally allowed them to find another exit from the Malthusian trap – increased income that permitted the share of investment in GDP to rise without a major increase in income inequality and decrease in life expectancy.

Keywords: *economic history, rates of economic growth, gap in per capital GDP between countries, the West, developing countries, China.*

JEL Classification: N00, O10, O40.